

Татьяна Трубникова

ЛИЧИКО ЛИ

Татьяна Трубникова

Личико Ли

«Издательские решения»

Трубникова Т.

Личико Ли / Т. Трубникова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-964467-1

Как получается, что юные надежды, ангельская красота сминается тяжелой поступью судьбы? И что остается внутри, в самой глубине сердца? Ли с детства любила, обожала свое отражение. Она уже в шесть лет могла час простоять, разглядывая плавный изгиб своего носика и широкий разрез глаз с длинными ресницами... Солнечный луч прорывается в узкую щель бритвенного лезвия. Двухлитровая бутылка осталась ждать на песке. Как потерявшая хозяина собака.

ISBN 978-5-44-964467-1

© Трубникова Т.
© Издательские решения

Личико Ли

Татьяна Трубникова

Иллюстратор Татьяна Трубникова

© Татьяна Трубникова, 2019

© Татьяна Трубникова, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-4496-4467-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Летний вечер еще только начинался. Впереди было ух! сколько времени. Красота! Вся душа ее пела от предвкушения какого-нибудь романтического приключения.

Четверо молодых людей стояли у подъезда. О чем-то говорили и по-молодецки ржали. Им был хорошо. Может, девок обсуждали, может, собирались выпить.

Жара спала. Тенистая листва выросших за тридцать лет деревьев окутывала подмосковный дворик. Веселые солнечные зайчики, просочившиеся сквозь листву, прыгали по песку и асфальту.

Она сидела на лавочке. Чужие дети возились в песочнице. Две мамашки сидели рядом и болтали. Ей всегда было безумно скучно так сидеть.

«Курицы. Ни кожи, ни рожи. Ни фигуры».

То ли дело она! Фигурка у нее всегда была высший класс. Ни один мужик не проходил мимо. И все звали ее по-разному: кто Люсей, кто Лорой... Хотя вообще-то она была Лида, Лидия. В детстве ей нравилось, чтобы ее звали Ли. Потом как-то прицепилось... Сколько раз ей это имя нежно шептали на ушко... Дураки! От этой смешной мысли ей захотелось танцевать. Нужно, просто необходимо было сделать какой-нибудь жест, который отражал бы ее настроение. Ей ничего не приходило в голову, кроме как изящным жестом сбросить свой короткий пиджачок. Что она и сделала. Медленно, медленно, в такт звучащей в ней музыке.

«Жаль! Ни один из этих молодых жеребцов не заметил!»

Она встала, оставив пиджачок на скамеечке, и пошла к молодым людям. Она шла своей обычной раскованной походочкой, которая всегда заводила ее саму. Стоило только представить себе, как сексуально перемещаются ее ноги... Точь в точь по одной линии, как по ниточке. И шагала она не топорно, с пятки, а нежно прикасаясь к земле всей ступней сразу. Царица подиума, вот она кто.

Теперь-то они точно ее увидели! Все посмотрели на нее. Какие жеребчики! У нее все горело внутри от одного взгляда на их молодые ноги, небрежные юные движения...

За спиной она слышала смех. Одна молодая мамашка что-то говорила другой. И они вместе посмеивались. Другая ответила. Видимо, метко. Это их еще больше развеселило.

– Не хочешь? – спросила одна мамашка другую, кивнув на двухлитровую бутылку, стоящую рядом.

Та покачала головой. А в глазах сверкали бесенята смеха.

«Ну, что же вы молчите?» – мелькнуло у Лиды.

Подростки шарахнулись от нее.

А что она хотела? Просто поговорить с ними! Маленькие убудки! Неужели они считают ее старой? Конечно, ей не пятнадцать лет. Она просто хотела поговорить!!! Начинаящие алкоголики! Она точно знает, чем они кончат. Будут под забором валяться уже лет через десять. Тут не надо быть семи пядей во лбу. Алкаши в проекции!

Она повернулась и опять пошла к скамеечке. Сдернула пиджак. Не сидеть же теперь здесь! Вон там есть еще лавка, в глубине двора. Вся в деревьях. По траве идти модельной походкой совсем не так просто! Но она должна постараться. Пусть видят!!!

На нее никто не смотрел.

Она рухнула на лавку. Как устали ноги! И никого. Скучно.

Все, все ублюдки. Ни одного человека вокруг. Как же она всех ненавидит! Не пригласить ее на свадьбу!!! И кто?!! Самая что ни на есть родная кровь! От этой мысли в висках зашумело и застучало. Ведь у нее же нет больше никого. Хотелось плакать, но слез почему-то не было.

– Во рту пересохло, – сказала она вслух, хотя рядом никого не было. Поискала глазами. Нету. Вздохнула. Ноги гудели. Конечно, целый день на жаре! Ломило под правой лопаткой. Проклятая жара! Очень нужна ей эта их свадьба!!! Сам факт. Что не пригласили.

– Ох!

Вернуться домой? Там Лешенька. Добрый он. Хотя подумать – она никогда его по-настоящему не любила. Он маленький-маленький. Личико мелкое, страшненькое...

Нежная грусть прорвалась, наконец, слезами. Именно потому, что она никогда его не любила...

Ублюдки вонючие!!! Еще дети называются! А эти старые – что, лучше?!!! Она посмотрела на мужиков, сидящих за домино.

Они были уже солидно «под шафе», но никто не смотрел в ее сторону...

– Фу, старперы вонючие...

Хоть бы глоточек. Духота. Как они могли?! Родная сестра!!! Она никому не нужна... Лучше бы ей умереть. Прямо сейчас. Вскрыть вены... Все равно ее никто не видит...

Порылась в сумочке. Достала простой станок.

Это для Лешеньки... Она и не знала сама, зачем купила... Теперь понятно.

Повертела его в руках, развинула. Последний луч блеснул на лезвии...

А вдруг там, на свадьбе, она кого-нибудь встретила бы? И там наверняка был бы он, ее второй муж, Гера, Герман, бог Гор, как она звала его про себя... И Лешенька бы снова ревновал ее!... Ублюдки!!!

Сердце стучало, затылок ломило...

Как далеко отсюда до дома. Два автобуса. С пересадкой... Там Лешенька... Перед глазами что-то мерцает. Это от усталости. Или от жары. Где же ее прохладительный напиток? Его подали ей прямо из холодильника... Она хотела приподняться, но поняла, что сил просто нет... Так и осталась сидеть.

Она и сама не поняла, как приехала сюда, в свой родной двор. Ни одна бабка ее не узнала. Она слишком хорошо выглядит, вот почему. Она сидела и смотрела то на свои стройные ноги, то на старые, до боли знакомые окна. Когда-то это был их дом... Не так уж и давно. Здесь все восхищались ее красотой, здесь она единственный раз по-настоящему полюбила... Но была ли любима? «Кого хочу – не знаю, кого знаю – не хочу» – фу, гадкий юмор... Просто ноги сами привели. А зачем? Неизвестно.

Как душно! Не продохнуть. А ведь вечер уже.

Так и осталась сидеть. С лезвием в пальцах.

– Рыба!

Звонко щелкнула костяшка домино о линолеум стола.

Над белым запястьем последним лучом солнца сверкнуло лезвие.

Когда стемнело, мамыши увели детишек домой. Усталых, но довольных проведенным в песочнице временем. Хотя, конечно, уходить никогда не хочется. Всегда кажется рано... Уходить всегда рано...

Тени потускнели, исчезли в сумраке.

Двухлитровая бутылка осталась стоять на песке.

Она быстро поняла, что на свете существует ее копия. Точная. Вплоть до родинки за правым ухом. И не отражение в зеркале. Отражение она любила – оно делало все, что она хотела. В точности. А сестра – Людка-селедка – повторяла все за ней бездарно. Повторюшка – дядя-хрюшка. Так она ее всегда дразнила. Все игры выдумывала всегда она, Лида. Еще в детстве она услышала, что ее полное имя – Лидия. Оно показалось ей созвучным с «лебедем». Целая их стая была нарисована в тонкой книжечке «Гуси-лебеди». Они казались ей очень красивыми. Себя она представляла летящей вместе с ними. А еще она придумала, чтобы ее звали Ли. И строго приказала Людке придерживаться этого.

Она верховодила всегда и во всем. Когда родителей не было дома. Людка-селедка всегда была у нее в прислугах. Ей самой нравилось, когда Лида приказывала принести ей что-нибудь или сделать ей прическу. И такая она была выдумщица – ей самой никогда не додуматься. Например, Ли придумала разбросать по полу диванные подушки, валики – как острова. И так, по ним, путешествовать по дому. С условием, что нельзя касаться пола. Как весело было прыгать с дивана на кресло, с кресла – на подушку. Оттуда один прыжок на дверь, уцепиться за ручку и – дверь уже стремительно мчит тебя к другой подушке... Когда же приходили родители и спрашивали, кто это сделал, Ли гордо отвечала: «Я!». Родители ее почему-то не ругали, как наказали бы Людмилу. Они смеялись. И чуть ли не готовы были играть вместе с детьми. Вот это да!

Ли с детства любила, обожала свое отражение. Она уже в шесть лет могла час просто-ять, разглядывая плавный изгиб своего носика и широкий разрез глаз, опущенных негустыми, но длинными ресницами. Однажды она ехала в автобусе с мамой и сестрой. Людка-селедка смотрела в окно. А Ли – на людей. Они казались ей куда интереснее любого пейзажа. Напротив, лицом к ним, села молодая женщина. Ли словно в сердце кольнуло: женщина была красива. Вдруг подумала совсем не по-детски: «Ерунда! Я буду еще лучше, когда вырасту. Я и сейчас лапочка. Все говорят». И Ли попыталась восстановить в памяти свои черты и сравнить их со взрослой незнакомкой.

Иногда к ним приезжала тетушка из Москвы. Когда волею командования их семья ютилась где-нибудь неподалеку. Ли всегда считала ее очень занудной. Людка же радовалась пряникам, невиданному торту «Птичье молоко» и конфетам, которые та привозила. Тетка всегда одинаково их целовала и восклицала всегда одно и то же:

– Как выросли. И до чего похожи!

Вот за это Ли ее и не любила.

А дурочка Людка-селедка так и расплывалась при этих словах. А ведь слышала их – тысячу раз!

Отец дарил им одинаковые игрушки. Чтоб не обидно. Ли всегда отдавала свою игрушку сестре. Не нужно ей одинакового! Пусть лучше ничего не будет! Людка радовалась дубликатам пупсиков, колясок, заводных обезьянок...

Отец удивлялся: одна дочь всегда довольна, другой – никогда не угодить... Близняшки – а какие разные.

Ли ненавидела свою одежду. Даже колготки мама умудрялась брать одинаковые! Что только маленькая Ли не выдумывала, чтобы отличаться от сестры. То резинку какую-нибудь себе для волос изобретет, то воротничок у мамы из гардероба стащит... А однажды она выкрасила желтой масляной краской свои новые туфельки и обрезала пополам платье, превратив его в «юбку».

Чьи чужие руки теперь держат ту старую фотографию, на которой девочки стоят по обе стороны от мамы после праздника 1 Мая в каком-то шахтерском городке с военным гарнизоном? Сестры в одинаковых костюмах украинских крестьянок с пестрыми лентами в воло-

сах и со стеклярусными елочными бусами вместо настоящих... Ли смотрит чуть исподлобья. Людка улыбается во весь редкозубый детский рот.

Еще сестры играли в принцесс. Только принцессой всегда была Ли. А Людка – ее служанкой. Из старой марли соорудили шлейф для Ли. Людка торжественно несла его сзади. Коронной ей служили мамины бусы. Удивительно: в старой марле Ли была такой хорошенькой... Пыльный пожелтевший кусок материи ее не портил. Потому что ступала она, как настоящая принцесса!

Людка, в свободное от обязанностей служанки время, нянча своих одинаковых пупсиков, представляла себе, что у нее родились двойняшки... А иногда, втихаря от сестры, надевала ее марлю и бусы. Но, хотя лица их были неотличимы, странно – ей наряд совсем не шел...

Уже в детстве Ли, бывало, доходила до такого раздражения на сестру, что пряталась где-нибудь в доме. Ее сердила не просто тупость Людки или ласковый нрав ее. Нет. Бесил сам факт существования точной копии. И то, что копия эта так недотягивает до нее самое... Чтобы скрыться, выбирала такие места, – никто найти не мог. Сидя в каком-нибудь чулане или шкафу, реально представляла себе, что бы она сделала с Людкой. То сестра падала у нее с лестницы и разбивала лицо до неузнаваемости, а потом Ли ходила к ней в больницу навещать. То Людка смертельно заболела скарлатиной, и Ли оставалась единственным ребенком в семье... Вариантов ее мечтаний было не счесть, благо что-то, а фантазии у Ли не отнять.

Однажды Ли и вовсе сбежала. Случилось это аккурат в один из приездов московской тетушки, которую Ли так не жаловала, совпавшим с их с сестрой одним на двоих днем рождения... Это был для Ли вообще худший день в году. Она потом на всю жизнь сохранила стойкую ненависть к дню своего рождения и к праздникам вообще, отмечая каждую горькую дату по своему...

Итак, Ли убежала. Seriously. Навсегда. Она подготовилась к жизни: захватила с собой свою марлеву фату – замуж выходить. Ли сначала долго бежала, куда глаза глядят. Одинаковые дома окружали ее. Они были большие, а она маленькая. Но страх не мог остановить ее. Родители должны понять! Она не хочет!!! Не могла она родиться в один день с этой дурой Людкой! Гнев душил ее. Пусть поплачут теперь без нее!!! Людка не будет иметь все игрушки по две, а тетка не сможет восклицать: «Как похожи!!! Одно лицо». Все. Все. Пусть живут без нее. Вот бы заболеть скарлатиной! Это было бы лучше всего.

Но вдруг Ли остановилась. Любопытство ударило мыслью: а как они там без нее плачут? Как бегают? Вот бы посмотреть. И она повернула. Плутала Ли долго. К вечеру пришла к дому. Отец сидел на лавке, видимо, обежав за целый день все районы вокруг. И не один раз. Сидел и плакал.

Повзрослевшая Ли сдернула с сестры изящную шляпку.

– Это мое!

Волосы у сестер отросли. Но только Ли умела хитрым образом скручивать их так, чтобы волнистая прядь свисала от пучка. Очень изящно. Люда, как ни старалась, повторить прическу сестры не могла. Ли тихо радовалась в душе. Повторюшка – дядя-хрюшка.

Они собирались в школу. И, как обычно, ссорились. Точнее, ссорилась всегда Ли. Людка молчала. Но она сама виновата. Эту шляпку она, Ли, своими руками смастерила. Ни у кого такой не было. К мрачному однотипному пальто прямого кроя так шла «таблетка» с вуалькой. Даже пальто переставало смотреться топорно.

Ли была пронзительно, уже не по-детски красива. А Люда, хотя каждая черточка лица была полной копией Ли, каким-то непостижимым образом – нет...

Они толкались перед большим зеркалом в небывало просторном по советским меркам коридоре четырехкомнатной квартиры.

На излете жизни эти подмосковные хоромы были дарованы властью их отцу, Конорскому, кадровому военному. За то, что всю жизнь мотался по гарнизонам по всей стране. Был он чистокровным поляком. Отставной полковник танковых войск, отец теперь устроился на чиновничью должность в Архив Министерства Обороны, который как раз и был в их подмосковном городке. И от дома недалеко – четыре остановки на любом из двух автобусов.

Учились сестры плохо – с троечки на четверочку. Но мать их всегда защищала: сколько школ сменили! Иногда по два раза в год!

Ли терпеть не могла зубрить. И сидеть за партой, ожидая, что будешь молчать, когда спросят. Зато одноклассники относились к сестричкам снисходительно.

Красота Ли произвела небольшую сенсацию не только в их классе, а и во всей школе. Ли всячески старалась показать, что она скромная и словно бы не осознает тех жадных взглядов, которыми ее провожают молодые люди. Она знала, что так прилично поступать, а кроме того это так радует учительницу физики – старую деву...

Они перешли в последний, десятый класс. Урок строевой подготовки проходил на улице. Бабье лето сговорилось с солнцем о тепле, поэтому все стояли просто в формах. Девочки никак не могли построиться. А ведь это так просто – встать в линейку и замереть смирно. Молодые люди стояли ровно, но перешучивались о чем-то между собой, подталкивали друг друга, заставляя выйти из строя на шаг вперед. Все были рады встрече после лета. Стоял гомон и смех. Две шеренги – девочки отдельно, мальчики отдельно – стояли напротив, а потому кто-то в шутку затынул: «Бояре, вы почему к нам пришли...»

Вдруг Ли случайно встретилась глазами с одноклассником Женей. Его глаза смеялись. Не ей, просто так. Но оказалось, что ей. Просто удивительно, как он вырос за лето! Мягкими неторопливыми движениями он чуть напоминал широколаплого медвежонка. Черты лица были нечеткими, как бы расплывшимися. Но при всем этом жутко симпатичными.

Приказ военрука: «Р-р-равняйся! Смир-р-рна!» заставил Ли отвести глаза. Смотреть на Женю она уже не могла. «Глаза заболят!» – одернула она саму себя.

Она еще много раз встречалась с ним глазами: на уроках (они сидели на последних партах через ряд, поэтому им не надо было оглядываться, достаточно было просто повернуть голову), на переменах, в столовой, на физкультуре. Правда, Женя почти всегда не занимался. Он сидел на лавке в школьной форме и жадно смотрел, как Ли делает угол на шведской стенке, отжимается от скамейки, крутится на брусьях и влезает по канату...

А потом Ли стало скучно. Она перестала смотреть на Женю. Он ей не разонравился, нет. Она просто теперь не смотрела на него. Ей было забавно: что будет?

Женя стал оказывать явные знаки внимания Людочке. Сестра прямо светилась от счастья несколько дней.

Сначала Ли жутко расстроилась. Ей в голову стали приходить странные мысли о том, что вот умри она сейчас, Женя себе этого не простит. Она даже представляла, какая она красивая будет лежать в гробу. И как он будет рыдать и надрываться, не в силах отойти от гроба, который в конце концов надо закопать! А он не может оторваться от нее!

Но Ли даже мимолетным движением не выдала, что невнимание Жени ее задевает. Она все поняла. И в ус не дула. Хитрый лис, тоже мне! Ее не проведешь. Если ты так, мы вот эдак!

Вот что Ли придумала.

Учителю английского было за сорок. Но он был высок, строен, умен и рассказывал массу интереснейших вещей, которых нельзя было прочесть в газетах.

Ли, зная цену своему очарованию, несколько раз опаздывала на его урок. Она прибежала чуть запыхавшаяся, сияющая и юная. Улыбалась виновато и ласково. Заложив руки за спину, чуть наклонялась вперед, раскачиваясь на мысках. Один взмах ресниц – и учитель был в ее власти. Он стал снисходителен к ее «фенькью, эскьюс ми, мазэ и фазэ». Она видела его ответную, легкую улыбку, слышала: «Сит даун, плиз, Лидия», и пробегала мимо него, скользя по полу

почти на цыпочках. Исподтишка наблюдала за Женей. Она безошибочно рассчитала: он сможет справиться с ревностью к сверстнику, но настоящий взрослый мужчина – это и настоящий соперник.

Женя старался сделать все, чтобы Ли, наконец, сменила гнев на милость. Его привычной позой на уроке стала рука под головой, почти лежа на парте, повернувшись в ее сторону... Нежный профиль с хвостиком из пучка мучил его снами. Ли постоянно сталкивалась с ним в коридоре нос к носу, постепенно начиная подозревать, что он специально так подгадывает...

Ей нравилось его мучить. Она испытывала истинное блаженство, не сравнимое ни с каким взглядом его глаз, когда боковым зрением видела его полулежащим на парте, перехватывающим ее взгляд на учителя или следящим за ней на физкультуре... Вот именно. Удовольствие было куда больше. И в то же время он ей нравился.

Однажды они столкнулись с ним на углу прямо лбами. Прозвенел звонок. Она бежала в столовую. Он – в класс. Оба взвыли от боли и разбежались.

Женя принес в школу крошечное зеркало, помещавшееся в его широкой ладони целиком. Ловя весеннее солнце, пускал зайчик в лицо равнодушной Ли. Но, стоило ей повернуть голову, чтобы «поискать» нарушителя спокойствия, зеркальце исчезало в его ладони, а в глазах плясали веселые искорки солнечного зайчика. Ли прекрасно знала, кто прячет зеркало, но каждый раз изумленно оглядывалась, делая вид, что пытается понять, кто это. Игра Жене безумно нравилась. Ли тоже...

...Солнечный луч прорывается в узкую щель бритвенного лезвия. Ли смотрит сквозь него на знакомые окна. Кто-то наблюдает за ней из окна. Или ей почудилось?

...Он посмотрел в окно. Мать. Вот она. Сидит на скамейке. Положила ногу на ногу. Он вглядывался в ее лицо и ловил себя на мысли, что черты ее – чужие. Так мало он видел ее за свои двадцать восемь лет. Зачем пришла? Какое-то пальто старое умершей матери, его бабки, ей нужно. Чуть какая-то. Откуда он возьмет это пальто? Его выкинули уже сто лет назад...

Женя увлеклся фотографией. Притащив фотоаппарат под предлогом снимков для стенгазеты, он сделал несколько ее кадров «украдкой». Она все видела. И специально старалась принять как можно более выигрышную позу.

На школьном вечере даже в полутьме он не мог заставить себя подойти к ней и пригласить на танец. Ли двигалась очень красиво. Ее движения были ритмичны и манящи. Она знала: он смотрит на нее из темного угла. Ловит каждое движение, подаренное электрической вспышкой лампы. Металлический строб...

...Блеск бритвенного лезвия на солнце...

И никогда, никогда Людка не сможет так же, как она... Не видать ей сердца Жени. Он смотрит только на нее. Он не может оторвать взгляд. Как же хорошо так двигаться... и знать, что есть его глаза в темноте.

Однажды после перемены Ли обнаружила на своем столе записку. Сверху было написано: «Ли К.» Бесстыдно, быстро развернув ее, Ли прочла строчки, от которых у нее запылали глаза. Ей стало жарко, как будто в одно мгновение она перенеслась в душный летний день. Она ничего не ответила на эти строчки любви. Сделала вид, что вовсе их и не было.

Чем больше усилий Женя прилагал по завоеванию Ли, тем больше ей нравилось ему отказывать. Иногда ей хотелось погрузиться в его глаза, отдаться его любви, но тогда она потеряет его больным взглядом! А ведь нет ничего слаще...

Только иногда она позволяла себе смотреть на него. Когда пила утром чай с молоком и стояла у окна. Он первый бежал в школу. Проходя прямо под ее окнами. В классе он будет

терпеливо сидеть и ждать, повернувшись лицом к двери, когда она войдет. Чтобы схватить ее первый растерявшийся взгляд. Но пока она будет медленно потягивать чай с молоком... Однажды он поймал ее взгляд, когда она выходила из подъезда. Она не ожидала. Поэтому посмотрела. С тех пор ему удавался этот трюк несколько раз, пока Ли не решила ходить в школу позже... Поэтому она и пила чай с молоком у окна. Еще она могла спокойно разглядеть его, когда его вызывали к доске. Он тогда думал только о том, как ответить урок, и был трогательно беззащитен... Насмотревшись вдоволь, Ли снова превращалась в злую кокетку.

Школа кончилась. Сестры пошли работать официантками в ресторан «Звезда». Конечно, это была идея Ли. Отец настаивал на институте, он уже и ходы все разведал... Но Ли была упряма, а Люда ей в рот смотрела.

Их никто и никогда бы в ресторан не взял, если бы не все та же протекция отца. Людка гадала, каким образом ловкой Ли удалось его умаслить. Одно Людка знала – Ли может все!

Людке нравился просторный зал с чисто застеленными столами, убранными салфетками. Ей нравилось сервировать. А лица! Когда кто-нибудь заказывал фромаж и рябчиков, шофруа или сканцы, вряд ли представляя себе, что это вообще такое, но жадно желающий узнать, потому что звучит заманчиво, – на это стоило посмотреть!

К семнадцати годам красота Ли приобрела законченность отшлифованного куска мрамора. Недоброжелатели могли бы сказать, что расположение ее глаз, носа и губ напоминало открытку с нарисованной стилизованной кошечкой. Огромные, в пол лица (простите, в пол морды), широко расставленные глаза, вздернутый крошечный носик, маленький, идеальной формы ротик. Очарованный же ею мужчина мог, пожалуй, сказать, что она напоминает ему аристократку прошлых веков, как их изображали на картинах: пухлый аккуратный рот, изящный мелкий нос и огромные распахнутые глаза.

Ли быстро освоилась на новом месте. Она умела роскошно улыбаться. Конечно, когда это было нужно и тем, от кого что-нибудь зависело. Ей безумно понравилась их форма. Белый передничек, который они накалывали на простое темное платье и белые цветы из флердоранжа в причёске делали ее похожей на гувернантку прежних буржуазных времен. Работница советского общепита. Всех ее коллег эта форма раздражала и даже унижала. Ли же чувствовала себя так, словно и родилась в ней. Она только укоротила и без того недлинный подол. Форма ей шла. Впрочем, как и любая одежда. Что бы она ни одела – ей было к лицу. Любой фасон шляп, любой крой платья, брюки, брюки, брюки... Уже в первый месяц она заработала достаточно, чтобы приодеться. Чаевые так и текли к Ли рекой. Как жаль, что ими принято делиться! Она одна приносила больше всех других, вместе взятых. А тут еще старшая официантка приревновала к ней своего бабника-мужа. И растущий из-за чаевых авторитет Ли. Ну, улыбнулась ему – такая малость! А ему приятно. Старшая устроила скандал, обвинив Ли в развратной поведении, позорящем их советский ресторан.

– Маленькая шлюшка! Задница с пятячок!

Пока старшая официантка кричала, сбежался весь персонал. Людка в ужасе ждала, что же теперь будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.